

Максим Ренвар

ПЕПЕЛ СОЗВЕЗДИЙ

Книга первая

Рождённый после падения

Максим Ренвар

**Пепел Созвездий-1.
Рождённый После Падения**

«Автор»

2026

Ренвар М.

Пепел Созвездий-1. Рождённый После Падения / М. Ренвар —
«Автор», 2026

Илар Роэн собирает Пепел на окраине Келлара и считает каждую марку. Если он не выплатит семейный долг, его младшая сестра попадёт в обязательные рабочие списки. Настоящий Пепельный Дождь приходит раньше прогноза, а Пробуждение Илара заканчивается результатом, которого не должно существовать: Небесная Карта не может определить его Знак. Вскоре выясняется ещё одно. Илар способен связывать Искры, несовместимые по законам Двенадцати. Это даёт ему шанс выбраться из долгов, но одновременно привлекает внимание тех, кто знает о природе подобных аномалий куда больше, чем говорит вслух. Илар берётся за опасные контракты и входит в Осколочные Домены. Там старые карты начинают складываться в один рисунок, новые аномалии повторяют давно забытую схему, а следы прошлого ведут к человеку, пропавшему девять лет назад. Его отцу. И к Тринадцатому Созвездию, которое три столетия вычёркивали из истории.

© Ренвар М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ЛЕГЕНДА О ТРИНАДЦАТОМ СОЗВЕЗДИИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Максим Ренвар

Пепел Созвездий-1.

Рождённый После Падения

ПРОЛОГ. ЛЕГЕНДА О ТРИНАДЦАТОМ СОЗВЕЗДИИ

За триста семнадцать лет до того утра, когда серый дождь снова пришёл в Келлар, люди уже спорили о том, что именно случилось с небом. Спор начался почти сразу. Просто первые годы его редко записывали.

Писать вообще было некому. Половина городских архивов сгорела, другая половина оказалась под завалами или в местах, куда после Падения перестали ходить. Каменные дороги рвало трещинами. На равнинах появлялись двери без стен. Люди просыпались с чужими воспоминаниями и не всегда доживали до вечера. В такие дни плохо сохраняются тонкости.

Лучше всего сохранилась версия победителей. Самый ранний её список занимал семь пластин. Поздние храмовые копии ужались до двух, школьные таблицы до двенадцати строк. Смысл при этом почти не менялся.

Когда Великий Небосвод ещё держался на Небесном Договоре, существовало Тринадцать. Двенадцать соблюдали Договор. Тринадцатое нарушило его, потребовало власти над путями остальных и отказалось подчиниться общему решению. После этого Двенадцать уничтожили нарушителя, сохранив мир от распада.

На полях одной старой пластины кто-то позднее добавил: «Так возникло право Домов хранить порядок». Фраза была написана другой рукой. Современные Великие Дома появились позже, уже после десятилетий войн и переделов. Это никого особенно не смущало. В хорошей официальной истории предки всегда успевают получить права заранее.

Слово, которое переводили как «подчинить», вызывало больше проблем. На самой старой пластине оно лежало поверх стёртого знака. Минеральные чернила отличались от соседних, и при косом свете проступал старый надрез. Полностью прочитать его никто не смог. Первый исследователь назвал повреждение случайным. Второй записал, что знак мог означать «открыть». Третий осторожно предложил «развязать».

Четвёртого исследователя в списках комиссии уже не было. После этого спор на время прекратился.

Официальные чтения проводили каждый год в день Великого Падения. В храмах Двенадцати Огней гасили свет, оставляя только двенадцать чаш по кругу. Место для тринадцатой не предусматривалось. Дети слушали историю о предателе, взрослые думали о налогах, погибших родственниках и том, не подорожают ли фильтры после очередной бури.

Такая память была удобна ещё и потому, что позволяла закончить рассказ. Предатель уничтожен. Победители выстояли. Небосвод сохранился. Дальше начиналась жизнь.

* * *

Запрещённый текст нашли через сорок один год после Падения. Его извлекли из комнаты под обвалившимся основанием старой наблюдательной башни. На официальных планах под башней значился сплошной камень. Рабочие попали туда случайно, когда вода после весеннего паводка ушла в трещину и за ночь опустошила подвальный резервуар.

Комната оказалась маленькой. Каменный стол, четыре сломанных крепления на стене, слой серой пыли под потолком. Из полезного нашли только пластины в металлическом кожухе, спянном от жара.

Первая экспедиция решила, что перед ними технический журнал. Вторая обнаружила повторяющиеся формулы Небесного Договора. Третью отправили проверить происхождение пластин, и после неё в документах появились семь пустых страниц подряд. Ни отчёта, ни списка погибших. Только отметка о закрытии доступа.

Одна копия всё же осталась. Её переписал человек, не указавший имени. Почерк менялся к концу строк, в двух местах буквы налезали друг на друга. Возможно, он спешил. Возможно, писал с повреждённого оригинала. Поздние исследователи спорили даже об этом.

Сохранившийся отрывок был коротким. Первая читаемая строка сообщала: «За пределом удерживаемой области отмечено давление, не принадлежащее известным путям». После нескольких утраченных строк шло: «Тринадцатое требует изменения структуры Договора до следующего сближения».

Ниже стояли двенадцать отметок. Рядом с девятью сохранился одинаковый знак отказа. Три были повреждены.

Следующая читаемая строка гласила: «Цена изменения признана неприемлемой». На этом нормальный протокол заканчивался. Дальше шла приписка, сделанная другим инструментом прямо по краю пластины: «Решение вынесено против несогласного. Слово “предатель” добавлено после».

Подлинность приписки доказать не смогли. Подлинность самого протокола тоже выглядела сомнительно. Материал пластины оказался моложе Великого Падения. Два термина не встречались в других текстах той эпохи. Формулировка о давлении за пределом Небосвода противоречила храмовому толкованию, согласно которому за границей удерживаемого мира не могло существовать ничего, способного действовать намеренно.

Комиссия признала находку подделкой. Через девять лет выяснилось, что пластина действительно была поздней. Только не поддельной. На её обратной стороне под слоем копоти нашли метку аварийного копирования, принятую в первые годы после Падения. Старый текст перенесли на новый материал после разрушения исходного хранилища.

К этому времени исследователь, заметивший метку, умер. Его записка лежала в деле о распространении запрещённых толкований и почти два века считалась признанием вины.

Из этого куса выросла другая история. В ней Тринадцатое увидело угрозу там, куда остальные не хотели смотреть, и потребовало изменить устройство путей вместе с порядком, державшим власть Двенадцати. Отказ мог быть страхом потерять контроль. Мог быть осторожностью перед решением с непонятной ценой. Само требование Тринадцатого тоже вполне могло оказаться опасным.

Протокол не отвечал на главный вопрос: что находилось снаружи. Оставался и другой, более неприятный: Если изменить Небесный Договор было необходимо, почему Тринадцатое не сумело убедить хотя бы часть Двенадцати?

Сторонники запрещённой версии этот вопрос не любили. В их пересказах Двенадцать быстро становились трусами, тиранами или глупцами. Люди вообще охотно чинят старые истории так, чтобы в них было проще выбрать сторону.

Но ранняя копия упрямо оставляла три повреждённые отметки рядом с голосами Двенадцати. Никто не знал, означали они согласие, сомнение или обычные трещины.

* * *

Третья история попала в архив по ошибке. Её нашли в протоколах полевого дознания, среди жалоб на мародёров, списков заражённых и заявлений людей, которые после Пепельного Дождя рассказывали вещи похуже любых еретических текстов.

На шестой день после Падения дорожный отряд подобрал женщину в двадцати милях от ближайшего жилья. Обуви на ней не было. Ступни оставались целыми, хотя земля вокруг ещё хранила стеклянные участки после неизвестного жара. Волосы, ресницы и рукава покрывал

серый порошок. Он светился очень слабо и не осыпался при ходьбе. В протоколе несколько раз повторено, что допрашиваемая не назвала себя.

– Откуда вы пришли?

– Снизу.

Следователь записал ответ, перечеркнул и задал вопрос ещё раз.

– Откуда?

– Я уже сказала.

– Под вами камень.

Женщина посмотрела на пол.

– Сейчас да.

Дальше в протоколе появилось примечание о возможном поражении разума. Разговор всё равно продолжили. В ту неделю проверяли всех, кто мог знать хоть что-нибудь о катастрофе.

– Вы видели Тринадцатое?

– Нет.

– Видели Двенадцать?

– Нет.

– Тогда что вы видели?

Женщина попросила воды. Ей принесли кружку. Она выпила половину, вторую половину вылила на ладонь и растёрла серую пыль. Та не смылась.

– Конец, который приготовили заранее.

Следователь, судя по пометке, долго не писал.

– Чей конец?

– Вы хотите имя. Имени у меня нет.

– Тринадцатого?

– Если вам так удобнее.

Дальше шла часть, из-за которой поздние копии протокола хранили отдельно от остальных свидетельств. Тринадцатое знало, что Двенадцать придут. Знало порядок ударов. Знало, какие линии Небосвода погаснут первыми. Оно не пыталось уйти.

Следователь спросил, почему. Женщина долго тёрла большой палец о край кружки. В документе остался даже этот ненужный штрих. Кто-то старательно записывал всё подряд, потому что ещё не понимал, что через сто лет потомки будут разбирать каждое слово.

– Чтобы они закончили то, что оно начало.

– Уничтожили его?

– Да.

– Значит, Двенадцать победили.

Женщина пожала плечом.

– Если вам опять так удобнее.

Следователь сменил тему. Его интересовал серый порошок.

– Это останки?

– Нет.

– Тогда что?

– То, что успело разойтись.

После этой строки пластина была расколота. Следующая начиналась с перечня изъятых вещей и к допросу не относилась. Женщину больше не упоминали.

Позднее история обросла подробностями. Ей приписывали ожоги в форме разорванного кольца, белые глаза, знание будущих имён. Ни одной из этих деталей в исходном протоколе нет. В нём есть босые ноги, кружка воды, серый порошок и раздражённый следователь, который несколько раз возвращался к одним и тем же вопросам.

Поэтому третью версию было особенно трудно уничтожить. Она выглядела слишком нелепой для хорошей пропаганды.

* * *

О самом моменте Падения спорили меньше, хотя свидетели соглашались редко. Они как раз описывали разное. В южных городах видели белую полосу от горизонта до горизонта. На побережье говорили о гуле под водой. В двух горных поселениях люди ничего не заметили до тех пор, пока у пробуждённых не перестали отвечать привычные способности. Караван у старой западной дороги потерял всех животных разом: те легли на землю и больше не поднялись.

И всё же одна деталь повторялась в местах, между которыми тогда не существовало связи: свет пошёл вверх. Так написал писарь из города, который сгорел через три дня. Такой же рисунок выцарапан на внутренней стене колодца в деревне далеко к северу. Караванщик, не умевший писать, объяснил дознавателю, что звёзды «тянули своё обратно».

Несколько секунд свет от факелов, окон и открытых печей вытягивался тонкими линиями к Небосводу. Люди видели это по-разному. Кто-то падал на колени. Кто-то закрывал двери. В одной мастерской хозяин велел ученикам ловить свет металлическими мисками, потому что решил, что его можно продать.

Потом всё оборвалось. Ночь стала обычной лишь на один вдох. Следом сверху посыпался серый порошок.

Первые крупинки принимали за золу. В местах, где не было пожаров, за снег. Дети ловили их ладонями. Один храмовый служитель собрал целую чашу и поставил перед алтарём, после чего у него три дня шла кровь из носа и появились воспоминания о чужом доме.

Пепел светился слабо. Часть крупинок падала прямо, часть висела у крыш и карнизов, некоторые поднимались снизу и только затем меняли направление. Люди ещё не знали, что ткань надо сжигать отдельно, воду закрывать крышками, а фильтры менять чаще, чем подскаживает запах.

К утру появились первые больные. Через сутки начали находить животных с изменёнными костями. На третий день возле разрушенной дороги открылась дверь в комнату, которой там никогда не было.

Потом таких мест стало много. Поздние исследователи назовут их Осколочными Доме-нами. Для серого вещества придумают десятки названий: звёздная мука, мёртвый свет, пыль Договора, небесный шлак. В конце концов закрепится одно: Пепел Созвездий. Саму ночь назовут Великим Падением. Что именно тогда упало, общего ответа так и не появится.

* * *

Через двадцать семь лет после Падения человеку, работавшему в небольшом архиве на западной границе новых земель Домов, приказали сжечь несколько корзин старых копий. Приказ привезли вечером. Шестеро вооружённых людей, одна временная печать, список на двух листах. Старший говорил устало и дважды уточнял, будет ли готов реестр уничтожения. Архивист ответил, что будет.

– Реестр оставить, – сказал старший.

– Тогда останутся названия уничтоженных текстов.

Мужчина помолчал, явно решая, действительно ли это требует пояснения.

– Напишите, что уничтожены подделки.

– Все подделки?

– Все из списка.

Архивист кивнул. Спорить он не собирался.

Печь стояла во дворе под навесом. К полуночи от жара повело одну железную дверцу. Два помощника приносили пластины, архивист сверял номера и делал отметки. Некоторые пластины трескались сразу. Другие приходилось колоть молотком. Одна воняла горелым укусом так сильно, что помощник вышел за стену и его вырвало возле водостока.

К утру осталось четыре текста. Три противоречили друг другу. В первом Тринадцатое хотело захватить чужие пути. Во втором предупреждало об угрозе за Небосводом. В третьем заранее приготовило собственную гибель.

Архивист прочитал их, сидя на перевёрнутом ящике. Ноги гудели, пальцы были чёрными от пыли. За стеной помощники спорили, кому идти за завтраком.

Ни одна версия не нравилась ему настолько, чтобы ради неё умереть. Он сложил пластины рядом и уже собирался нести их к печи, когда заметил под связкой узкую полоску материала без номера. Она прилипла к нижней пластине старым воском.

На полоске было всего несколько строк. Первая почти стёрлась. Ниже стоял знак: разорванное кольцо, внутри тринадцать точек.

Архивист не узнал его. В перечне запрещённых символов такого не было.

Дальше читалось лучше: «Если Договор останется неизменным, возвращение невозможно». Последняя строка сохранилась полностью: «Тринадцатое вернётся не как бог и не как созвездие, но через того, кто родится после падения».

Он прочитал дважды и отложил полоску. За стеной один помощник ругался из-за пропавшего ножа. Второй утверждал, что нож торчит у первого за поясом. Архивист слушал их пару секунд, потом снова посмотрел на текст.

Пророчества он не любил. После Падения их развелось слишком много. Половина обещала конец мира на ближайшую зиму, другая половина спасение за небольшое пожертвование.

Эта запись могла быть такой же дрянью. Проблема была в другом. Кто-то спрятал её среди документов, которые официально не должны были существовать. А теперь другой кто-то прислал людей с печатью, чтобы уничтожить всё сразу.

Архивист взял полоску и пошёл к печи. Остановился возле топки. Жар обжёт щёку. Внутри оседали друг на друга обломки трёх несовместимых историй.

Потом закрыл дверцу, не бросив полоску. В западной стене хранилища давно шатался кирпич. Зимой через щель тянуло так сильно, что помощники затыкали её тряпкой. Архивист вынул кирпич, завернул полоску в промасленную ткань и сунул внутрь. Рядом положил короткую записку.

«Не знаю, правда ли это. Знаю только, что сравнивать вам не разрешали».

Кирпич вернулся на место. Утром комиссия получила чистый реестр. В графе напротив каждой уничтоженной записи стояло одно и то же слово: «подделка».

Архивист прожил после этого ещё три года. Умер от болезни лёгких, обычной среди тех, кто слишком долго работал с ранними образцами Пепла. Западную стену перестраивали дважды. Сам архив позже стал складом, потом казармой, потом опять складом.

Через триста лет никто уже не знал, кто спрятал полоску и зачем. В сохранившихся реестрах её не существовало.

* * *

В Келларе официальную историю Великого Падения учили на первом году храмовой школы. Тринадцатое нарушило Договор. Двенадцать остановили его. Великие Дома сохранили порядок. Для экзамена этого хватало.

Настоящие Пепельные Дожди над Серым Пределом давно стали редкостью. Бывали выбросы, пыльные фронты, местные осадки после бурь. Для них существовали таблицы, сигналы, сменные нормативы и страховые коэффициенты. Город жил на Пепле и очень не любил сюрпризы в его поведении.

Утром, триста семнадцать лет после Великого Падения, расчётное окно ещё не наступило. На Северных Воротах один датчик показал западный поток. Второй восточный. Третий на несколько секунд ушёл в ноль. Дежурный техник решил, что сбоят общий контур, и отправил заявку на проверку.

На внешних платформах сборщики продолжали смену. Первая светящаяся крупинка легла на металлический настил за девять минут до прогноза. Её никто не заметил. Вторая ударилась о защитную сетку и поднялась вверх.

Потом серый свет пошёл сразу по всему склону. Тревога включилась через несколько секунд.

К тому времени Илар Роэн уже стоял снаружи городских створок, на узкой ферме над каменным обрывом. Один карабин у него заедал после прошлой смены. Фильтр в маске следовало менять ещё вчера. Рядом на тросе висел почти полный контейнер свежего Пепла, за который полагалась премия.

Илар смотрел на страховочный узел рабочего ниже по ферме. Через пару секунд придётся выбирать, какую нагрузку этот узел удержит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.